

Елена Стоянова

Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского

9700, България, гр. Шумен, ул. Университетска 115

Тел. (+359) 899944549

elvikstoyanova@abv.bg

Научные интересы: лингвокультурология, когнитивистика, фразеология, метафорология

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ВОСПРИЯТИЕ МИРА В ТЕРМИНАХ ДИХОТОМИИ СВОЙ – ЧУЖОЙ (на материале русской и болгарской фразеологии с компонентом ‘дом / структурные элементы дома’)

В статье рассматривается бинарная оппозиция свой – чужой на материале русских и болгарских фразеологических единиц с компонентом ‘дом’ и компонентом ‘структурные элементы дома’. Материал для исследования выбран не случайно – дом в структуре славянской культуры представляется важным лингвокультурным знаком. Дихотомия свой – чужой является реализацией древнейшей, универсальной оппозиции, присущей мифологическому миропониманию. Восприятие окружающей действительности на основе указанной дихотомии отражает онтологическую бинарность устройства мира, в котором языковая личность и знаковые для нее объекты становятся своеобразными ориентирами, относительно которых прокладываются основные границы. В процессе исследования отмечается изменение концептуальных границ во времени, устанавливаются архетипические смыслы и их влияние на функционирование устойчивых сочетаний в современных языках. На материале устойчивых сочетаний русского и болгарского языков выделяются несколько групп, иллюстрирующих представления о доме в аспекте дихотомии свой – чужой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский и болгарский языки, фразеология, языковая личность, дихотомия свой – чужой.

Введение

Целью данной статьи является рассмотрение бинарной оппозиции *свой – чужой* на материале русских и болгарских фразеологических единиц с компонентами *дом* и *конструктивные элементы дома*. Рассматриваемая проблематика представляется актуальной на современном этапе, в период консолидации различных направлений научной мысли, создания стыковых отраслей науки и междисциплинарных подходов в исследованиях, когда особое внимание уделяется разработке и изучению специфики языковой личности в контексте феноменологической триады язык-культура-мышление. В этой связи языковая личность определяется как семантически

емкое понятие, включающее вербальный, когнитивный и прагматический уровни и отражающее менталитет национально-культурной общности. Ю. Н. Караулов считает языковую личность той сквозной идеей, которая пронизывает все аспекты исследования языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека (Караулов 1987, с. 3). Современные исследования языковой личности (Ю. Н. Караулов, Т. Н. Снитко, В. П. Нерознак, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. И. Шаховский) касаются различных ее сторон. При этом язык, культура и этнос, неразрывно связанные между собой, образуют средостение личности – место сопряжения физического, духовного и социального начал (Воркачев 2001).

По мнению исследователей, нравственные ценности, составляющие национально-культурную основу и богатство языковой личности скрыты глубоко в сфере бессознательного, они иррациональны и мистичны. Традиционное видение мира или его категоризация на базе бинарных оппозиций, лежащих в основе бессознательных структур мышления, представляет собой своеобразный каркас языкового сознания, который консервируется лингвокультурой и транслируется из поколения в поколение. Указанные незыблемые традиционные основы оказывают влияние на современную ориентацию человека в мире, а следовательно, на возможности осуществляемой им концептуализации и категоризации окружающей действительности. Таким образом, мифологическое мироощущение можно считать своеобразным базисом современного сознания и мировосприятия.

1. Дихотомия как основа мифологического мироощущения

Универсальными образами, регулирующими восприятие окружающей действительности современной языковой личностью, служат бинарные оппозиции в качестве структуры мифологического сознания. Подобными полярными категориями считаются оппозиции *верх – низ, правый – левый, добро – зло, мужской – женский* и др., представляющие структуры пространства и времени, биологические и социокультурные пропозиции. «Естественным переводом» мифа «в привычные формы нашего сознания» воспринимается метафора (Феллер 2005, с. 153). Она предстает осознанной формой реализации и языковой репрезентации ментального первообраза, обеспечивая межпоколенную трансляцию архетипических образов, поэтому отголоски мифа и имеют место в современном языковом сознании. В качестве устойчивой (стертой) метафоры воспринимаются фразеологические единицы. Образное основание фразеологизма видится в качестве средоточия архетипических смыслов и как средство трансляции культурной информации, а следовательно и представлений о дихотомической структуре модели мира. На этом основании в качестве материала исследования выбираются фразеологические единицы с компонентом *дом / структурные элементы дома*, которые экскерпируются из фразеологических словарей русского и болгарского языков. В дихотомии *свой – чужой* на примере концепта *дом* как важнейшего знака славянской культуры выявляются ориентиры, относительно которых прокладывается граница между понятиями.

Дом являлся объектом исследования различных научных направлений, таких как: архитектура, культура, история, психология, лингвистика, а в последнее время его изучение переносится на лингвокультурный уровень (В. Аврамова, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, В. И. Карасик, Ю. С. Степанов, Е. В. Стоянова и др.), психолингвистический (А. А. Залевская, А. А. Леонтьев и др.) и лингвокогнитивный (А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, А. Вежбицка, В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.). 'Дом / жилище' не раз становился предметом изучения в работах этнографического и культурологического характера (А. К. Байбурин, А. С. Будилович, Н. Н. Воронин, И. П. Георгиева, А. В. Гура, Д. К. Зеленин, В. В. Иванов, Л. В. Куркина, Л. Нидерле, Л. Старева, Ю. С. Степанов, В. Н. Топоров и др.). Однако дихотомия *свой – чужой* рассматривается фрагментарно, в контексте общих исследований. Фразеологический материал, консервируя архетипические семы, позволяет установить особенности понятийных областей (*свой* и *чужой*) в лингвокультуре и оценить ментальные процессы формирования модели мира.

2. Восприятие мира в терминах дихотомии *свой – чужой*

Ю. М. Лотман указывал на бинарность как обязательный закон построения любой семиотической системы. Всякая культура начинается с деления мира на внутреннее и внешнее пространства. При этом внутреннее пространство воспринимается человеком как „наше“, „свое“, „безопасное“, „гармонически организованное“ и т. д. А наоборот, внешнее пространство ассоциируется в качестве „чужого“, „враждебного“, „опасного“, „хаотического“ (Лотман 1996). Иными словами, важное место в концептуализации мира занимает дихотомия *свой – чужой*, которая формируется в процессе отторжения у природы и познания окружающего мира человеком, путем его регламентации в качестве близкого, родного, известного и далекого, чужого, неизвестного пространства и времени как хронотопа человеческого бытия, а также постижением и градацией в процессе взаимодействия между людьми социокультурных, гендерных и других взаимосвязей и отношений.

В современных толковых словарях семантическая структура лексемы *свой* представлена шестью семами: 1. Принадлежащий себе, имеющий отношение к себе; 2. Собственный, составляющий чье-либо личное достояние. // разг. Домашнего изготовления, производства и т.п.; не купленный; 3. Свойственный только чему-либо одному, данному; своеобразный; 4. Соответствующий определенным обстоятельствам; надлежащий, должный; 5. Находящийся в родственных, дружественных отношениях, связанный местом жительства, совместной работой, общими убеждениями. // разг. Не заимствованный; отечественный (Ефремова 2000). Еще одна сема фиксируется в словаре С. И. Ожегова: Подходящий, свойственный чему-нибудь, предназначенный именно для данного обстоятельства, предмета (Ожегов 1981). Семантика же лексемы *чужой* противопоставляется рассмотренным выше семам лексемы *свой*. Кроме того, содержание понятия *чужой* Ю. Н. Степанов связывает с концептом «Чудо», и трактует как «явление, не объяснимое естественным порядком вещей», фиксируя контаминацию обоих понятий (Степанов 2004, с. 484).

В процессе когнитивной деятельности человека постепенно утверждается концептуальное соотношение *свой – чужой*. Язык в качестве общего когнитивного механизма выступает отображением ментального и психического знания, которым оперирует человеческое сознание. При этом языковое значение воспринимается как некая ментальная сущность (концепт), осмысливаемое в качестве кванта знания. Данное исследование призвано проиллюстрировать восприятие и концептуализацию окружающей действительности языковой личностью на основе дихотомии *свой – чужой* как проявления закона онтологической бинарности при моделировании мира.

3. Реализация дихотомии *свой – чужой* на примере концепта *дом*

Дом в структуре культуры связан с реализацией древнейшей, универсальной оппозиции *свой – чужой*. *Дом* является принадлежностью материальной культуры и на этом основании – элементом предметного культурного кода. С момента возникновения жилища происходит формирование его ценностно-символической значимости в лингвокультуре. Философ и публицист Н. А. Бердяев видит истоки культуры в сакральности, в культе, из которого культура черпает свой символизм (Бердяев 1996, с. 195 – 198). Из культовой символики рождается и культурный символизм в восприятии *дома*. Как известно, при освоении мира и его концептуализации человек использует хорошо известные ему объекты, предметы. Сам *дом* и его элементы постепенно обрастают культурными смыслами и становятся воплощением мировоззрения и духа народа. Таким образом, на языковую семантику наименований конструктов дома наслаивается культурная, которая закрепляется в языковых знаках и транслируется ими как основа мировидения. Формирование кодов культуры как вторичных знаковых систем сопряжено с установлением некоего знакового дуализма – единица культурного кода является одновременно принадлежностью и системы языка, и системы культуры, что дает возможность исследования культуры сквозь призму языка. Взаимопроникновение двух семиотических систем – культуры и языка, осуществляется благодаря образному основанию языковых знаков или культурной коннотации (см. подр. Телия 1996; Ковшова 2009).

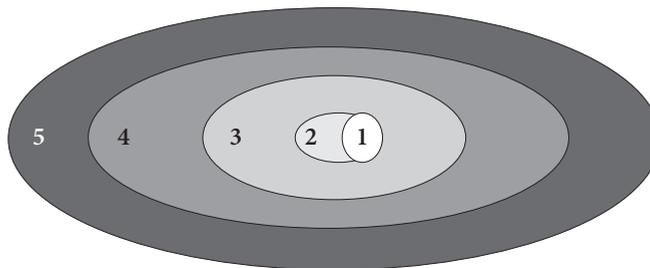
Дом – это совокупность пространственно-временных точек и линий, составляющих траекторию жизненного пути, конституирующих человеческую личность (Разова 2002, с. 215). Это место, где рождается человек, где происходит становление личности, на которую проецируются качества и черты *дома* и *семьи*, это своеобразная информационная база, которую впитывает в себя человек, и в то же время модель социальных отношений и, следовательно, подготовки к выходу за пределы пространства *дома*. К. Ясперс отмечает, что, несомненно, и жилище, и одежда, и домашняя обстановка несут на себе отпечаток осознанного или неосознанного преобразующего воздействия (Ясперс 1997). Именно такое представление *дома* мы находим в фольклоре и мифах, где *дом* присутствует в качестве смыслового и пространственно-энергетического центра. Он «помогает» представителю тради-

ционной культуры в преодолении синкретизма мифологического мышления и в формировании понятийного аппарата.

Ритуальная насыщенность процесса строительства дома обуславливается сложностью отторжения у природы части территории и превращения ее в свою. Таким непростым способом осуществляется постепенное внедрение человека в природу. Своеобразная граница, разграничение *своего* и *чужого* пространства присутствует в семиотике конструктивных элементов дома и отражается во фразеологическом материале. Несомненно нужно согласиться с мнением А. К. Байбурина о том, что с появлением жилища в традиционном обществе, мир приобретает те черты пространственной организации, которые на бытовом уровне являются актуальными и сейчас (Байбурин 1983, с. 10). С этой точки зрения, дом можно рассматривать как точку отсчета в пространственной модели мира. Дом основывается на ряде оппозиций – он противопоставлен окружающему миру как пространство *закрытое – открытому, безопасное – опасному, внутреннее – внешнему, близкое – далекому*. Кроме того, в нем находит отражение гендерных и социокультурных пропозиций: *мужской – женский, родной – чужой, знакомый – незнакомый, понятный – непонятный*. Подобное восприятие окружающей действительности посредством оппозиций является своего рода первой моделью мира в структурировании поступающей информации.

Познавая мир, человек постепенно начинает структурировать понятия „свой“ и „чужой“. Психологи утверждают, что человек по-разному проводит границу между собой и окружающим его миром. Чем обширнее пространство самоотождествления человека, тем большее содержание мира человек осознает как свое. Пользуясь топонимикой К. Левина (Левин 2000) и отталкиваясь от условной единицы осознанного человеком мира, мы предлагаем организацию и членение пространства в виде нескольких овалов (см. Рис. 1).

В центре находится круг, символизирующий собой *внутренний мир личности* (1). Он ограничивается телесными границами и располагается внутри человека. Нахо-

- 1 – Внутренний мир человека
- 2 – Личная зона человека
- 3 – Истинная среда обитания
- 4 – Жизненное пространство
- 5 – Чужое пространство

Рис. 1. Схема организации пространства человека в пространственной модели мира

дьясь на расстоянии вытянутой руки простирается *личная зона* человека (2). За ее пределами, но все еще воспринимаемая как близкое и осознаваемое пространство, находится *сфера жизненного пространства* человека (4). Жизненное пространство включает социальный и физический миры, имеет две основных границы: внешняя отделяет жизненное пространство от *чужого*, внешнего мира (5), а внутренняя граница отделяет внутренний мир человека (1) от психологической среды или *своего* мира (3) в пределах жизненного пространства человека.

Таким образом, *свое* пространство включает в себя личную зону (2), находящуюся на расстоянии вытянутой руки, истинную среду обитания (3) и жизненное пространство (4). На наш взгляд, истинной средой обитания для человека и предстает его *дом*.

Интересно, что восприятие границы *своего* и *чужого* пространства претерпевает эволюцию. Первоначально такой границей служит *порог, дверь, стены* дома. Постепенно пределы своего пространства расширяются и выходят за рамки *дома* во *двор*. Лексемы *дом* и *двор* начинают употребляться как синонимы (ср. русск. *В деревне десять дворов* = *В деревне десять домов* = *В деревне десять семей*). В данном случае границей *своего* и *чужого* пространства уже выступают *ворота и забор*, представляющие рамки двора.

О подвижности границ свидетельствует расширение понятия *свой* в сознании современной языковой личности. При общении с внешним миром человек переступает границу жилого пространства, но все еще не попадает в чужое пространство, потому что его социокультурные контакты осуществляются в знакомой, осваиваемой человеком зоне его жизненного пространства.

Традиционная структуризация мира в терминах дихотомии *свой – чужой* находит яркое отражение в русской и болгарской фразеологии как средства концептуальной реализации представлений о *доме*. В языковом представлении указанной оппозиции проявляют активность различные компоненты – как наименования жилища, так и структурные элементы *дома*. *Свое* пространство представлено фразеологизмами с указанными компонентами как знакомое, упорядоченное, защищенное и замкнутое.

I. Жилище как представление концепта *свой*

а) ФЕ с компонентом *дом* как представление понятия *свой*

В русском языке компонентом указанных ФЕ выступает *дом*, а в болгарском языке – *дом, къща*. Например: русск. *Свой дом не чужой: из него не уйдешь; Он тут (дома) свой, как цыган на конной; Хорошо в гостях, а дома (во своих) лучше*; болг. *У дома си правиш каквото си искаш; Своя къщица – своя свободица; Нашето гардже е винаги най-хубаво, нашата къща е най-подредена; Своя къщица, своя свободица; Своя къща, своя погърдалница; Своя къща, своя волица; Дома и да се мре, не е зле; Домашна вечеря по-лесно се претуря; Къщата не стои на земята, а на жената; Къща без жена – стадо без овчар; Къщата плаче за къщовница; Далечно ходи, но и за дома мисли; Мъжът държи къщата, а жената я краси; Почитат ли те въщици, почитан си, където идеш; Като те почита къщата ти, пичитат те и комишиите.*

Дом в модели мира, с одной стороны, воспринимается в качестве убежища, защи-

щающего человека (русск. *Дом – моя крепость*; болг. *Моят дом е моята крепост*), а с другой – в качестве упорядоченного топоса, места обитания человека (русск. *Кто умеет домом жить, тот не ходит ворожить; Дома и солома съедома; Хоть по уши плыть, а дома быть*; болг. *Къщата плаче за къщовница; Къща без жена, стадо без овчар; Къщата не стои на земята, а на жената; Мъжът държи къщата, а жената я краси; Хубаво е на гости, но у дома си е по-хубаво*).

б) ФЕ с компонентом *виды жилища* как реализация концепта *свой*

В русском и болгарском языках концепт *свой* может быть представлен посредством устойчивых сочетаний с компонентом *виды жилища*, включая номинации жилища представителей животного мира. Например: русск. *Своя хатка – родная matka; Всяк кулик свое болото хвалит; Глупа та птица, которой свое гнездо не мило; Худая та птица, которая свое гнездо марае*; болг. *Всяка жаба да си знае гьола; Всяка лястовица своето гнездо най-много хвали*.

в) ФЕ с компонентом *структурные элементы дома* как представление концепта *свой*

Символизация *своего* и *чужого* пространства связана с такими элементами *дома* как русск. *порог, потолок, крыша, подпол*; болг. *таван, праг, покрив*, создающими разноуровневую вертикальную границу, а также русск. *забор, двор, стена, окно, дверь, угол, печь*; болг. *стена, врата, вратичка, прозорец, огнище*, формирующими горизонтальную границу. Например: русск. *за стеной не видать; На своей печи – сам себе голова; Свой уголок всего краше; Свой уголок – свой простор; Свой уголок – хоть боком; пролезть, а все лучше; Всяк береги свой потолок; Всякая изба своим потолком крыта, своей крышей повершена; Не садись под чужой забор – а хоть в крапивку, да под свой; Кто сидел на печи, тот уже не гость, а свой*; болг. *Бащино огнище – тепло пепелище; Всяко куче на двора си лае; Всеки петел на бунището си пее; Всеки си мете пред своята врата*.

Определяемый как пространство, где реализуется защищенность человека и его право на свободу, личную жизнь, дом, несомненно, имеет границы, то есть воспринимается в качестве замкнутого пространства (Ср. русск. *за высоким забором; за семью замками; не пускать на порог; переступить порог*; болг. *прекрачам прага; вратите са затворени*). Как было отмечено выше, границы внутреннего и внешнего пространств характеризуются подвижностью во времени. Кроме того, дом посредством своих структурных элементов обеспечивает связь с внешним миром (русск. *окно в мир, открытые двери*; болг. *прозорец към света, отворени врати; Блага дума железни врата отваря*).

II. ФЕ с компонентом *дом* и компонентом *структурные элементы дома* как представление концепта *чужой*

В данной группе ФЕ с компонентом *дом / структурные элементы дома* представляют чужое жилище как реализацию чужого пространства. Собранный русский и

болгарский языковой материал демонстрирует большее количество средств в представлении понятийной сферы *чужой* в русском языке. Компонентами ФЕ в русском языке выступают как наименования жилища, так и структурные элементы дома и объекты домашней обстановки. В болгарском языке фиксируются устойчивые сочетания только с компонентом наименования жилища.

Например: русск. В *чужом доме* поперхнешься – через год опять там будешь. В *чужой дом* ни за чем зашел, *чужую вещь* невзначай унес. Не *чужие люди*; В *чужом месте*, что в лесу; *Чужая изба* засидчива; *Чужие стены* не греют; Под *чужой потолок* подведут, а *другое имя* дадут (отдавая замуж); Не *садись под чужой забор* – а хоть в крапивку, да под свой; По *чужим дворам* ходить (то есть просить, собирать); *Чужим умом до порога* жить; На *чужой лавке* мягче сидится; болг. Гледай ума му, мисли за *дома* му; *Чужда хижа* – *чужда грижа*.

III. ФЕ, отображающие соотношение *свой* – *чужой*

В русском и болгарском языках выделяется группа фразеологизмов, отображающих соотносительную связь концептов *свой* и *чужой*. Чаще всего соотношение реализуется в виде противопоставления понятийных областей. Например: русск. *Свой дом не чужой*: из него не уйдешь; Не *садись под чужой забор* – а хоть в крапивку, да под свой; В *чужом* доме побывать – в *своем* гнилое бревно увидеть; В *гостях* хорошо, а *дома* – лучше; болг. *Далеко* ходи, но и за *дома* мисли; *Желаеш ли чуждото*, *загубваши своето*; *Нека ти лае свое* куче, а не *чуждо*; *Всеки си хвали своето*, а не *чуждото*; *Хубаво е на гости*, но у *дома* си е по-хубаво.

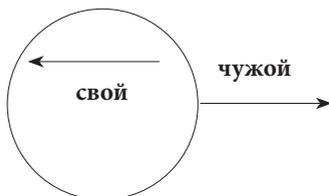

Рис. 2. Векторы в структуре дихотомии *свой* – *чужой*

При этом *свое* и *чужое* пространства на материале *дома* четко противопоставляются, и соответственно, различаются своими векторами, как это представлено на Рисунке 2 (см. Рис. 2). При этом внешнее пространство дома представлено как далекое, незнакомое, чужое, а внутреннее – ассоциируется только со своим домом и его обитателями.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы. В процессе когнитивной деятельности языковая личность опирается на знаковые для нее объекты (в нашем случае – это *дом* и его структурные элементы), которые становятся своеобразными ориентирами в концептуализации мира. Восприятие окружающей действительности в терминах дихотомии *свой* – *чужой* отражает онтологическую бинарность устройства мира. Фразеологический материал русского и болгарского языков с компонентом *дом* / *структурные элементы дома* демонстрирует наличие бинарности пространства, в котором *дом* как истинная среда обитания человека относится к понятию своего пространства и посредством структурных элементов

обеспечивает связь с внешним, чужим миром. Причем в современной лингвокультуре (с учетом социокультурного аспекта языковой личности) *дом* квалифицируется в качестве лишь части *своего* пространства, удолжением которого выступает сфера жизнедеятельности человека.

Выделяемые группы устойчивых сочетаний иллюстрируют традиционные представления русской и болгарской языковой личности о доме в аспекте дихотомии *свой – чужой*. При этом в качестве средств представления концептов *свой* и *чужой* в обоих языках выступают как фразеологизмы с компонентом *дом* (*виды жилища*), так и фразеологические единицы с компонентом *структурные элементы дома*. При этом концептуализация *своего* пространства ограничена домом (который воспринимается как единое целое со своим двором и обитателями), а *чужое* пространство ассоциируется, главным образом, с чужим жилищем (коррелируемым с чужими обитателями). Соотносительная связь понятий *свой – чужой* иллюстрируется последней группой фразеологизмов как отображение их противопоставленности.

Собранный языковой материал демонстрирует сходное моделирование мира русской и болгарской языковой личностью. В ряде случаев отмечается количественный перевес русского фразеологического материала в силу большей структурированности концепта *дом* в русской лингвокультуре.

Литература

- БАЙБУРИН, А. К., 1983. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: Изд-во Наука.
- БЕРДЯЕВ, Н. А., 1996. О культуре. Антология культурологической мысли. / Сост. С. П. Мамонтов, А. С. Мамонтов. Москва: РОУ.
- ВОРКАЧЕВ, С. Г., 2001. http://kubstu.ru/prbl_lincon/index.htmhttp://kubstu.ru/prbl_lincon/index.htmЛингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. Филологические науки. Москва, №1, 64–72.
- КАРАУЛОВ, Ю. Н., 1987. Русский язык и языковая личность. Москва: Наука.
- КОВШОВА, М. Л., 2009. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект). Автореферат дис... докт. филол. наук, Москва.
- ЛЕВИН, К., 2000. Теория поля в социальных науках. Санкт-Петербург: Речь.
- ЛОТМАН, Ю. М., 1996. Семиосфера. Внутри мыслящих миров. Часть 2. Москва: Языки русской культуры.
- РАЗОВА, Е. Л., 2002. Дом. Экзистенциальное пространство человека. *Vita Cogitans: Альманах молодых философов*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество. Вып. 1., 206–220.
- СТЕПАНОВ, Ю. Н., 2004. Константы: словарь русской культуры. Москва: Академический проект.
- ТЕЛИЯ, В. Н., 1996. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурный аспекты. Москва: Языки русской культуры.
- ФЕЛЛЕР, В. В., 2005. Введение в историческую антропологию. Москва: КноРус.
- ЮНГ, К. Г., 1997. Сознание и бессознательное. Санкт-Петербург: ТОО „Диамант“.
- ЯСПЕРС К., 1997. Общая психопатология. Москва: Практика.

Словари

- ДАЛЬ, В. И., 1984. Пословицы русского народа: в 2 т. Москва: Художественная литература.
- ЕФРЕМОВА, Т. Ф., 2000. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык.
- МЕЛЕРОВИЧ, А. М., 1997. Фразеологизмы в русской речи: словарь. Москва: Русские словари.
- ОЖЕГОВ, С. И., 1981. Словарь русского языка. Москва: Русский язык.
- СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ, 2008 – 2009. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под. ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения.
- ФСРЯ, 1967. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Под. ред. А. И. Молоткова. Москва: Советская энциклопедия.

Elena Stojanova

The Constantine of Preslav University of Shumen, Bulgaria

Research interests: lingua-culturology, cognitivism, phraseology, metaphorology

Summary

The article is devoted to a study of the binary opposition “own – someone else’s” (“one’s own – other’s”, “friend – foe”) on the example of Russian and Bulgarian phraseology with the component *house* or *constructive elements of the house* as components of phraseological units. The perception of the surrounding reality reflects the mythological binary of the device world. This study is intended to illustrate the perception and conceptualization of reality language personality based on the dichotomy of “own – someone else’s” as a manifestation of ontological law of binarity in the simulation world. Phraseological material with the component *house* or *constructive elements of the house* is not chosen by chance, because the house is an important sign of Slavic culture and it can be seen as a point of reference in spatial models of the world. The house itself and its structural elements become landmarks in the conceptualization of the world. In particular, the *house* in the structure of culture is a realization of the ancient and universal opposition “own – someone else’s”. The study established the archetypal meanings of dichotomy and their impact on the functioning of modern phraseological units. Phraseological units with the component *house* or *constructive elements of the house* record the presence of the binary space in which the house as a true human environment refers to the concept of the *own* space and through the structural elements provides connectivity to *strange* world. Russian and Bulgarian phraseological units are divided into several groups illustrating the view of the *house* in the aspect of the “own – someone else’s” dichotomy. The study notes a change of conceptual boundaries in time. Correlative relationship of the concepts of friend or foe is illustrated by the last group of phraseological units as displaying their opposition. The language material shows a similar simulation of the world of Russian and Bulgarian language personality. In some cases there is a quantitative superiority of the Russian phraseological material owing to the greater structure organization of the concept *house* in Russian language and culture.

KEY WORDS: Russian and Bulgarian languages, phraseology, language personality, the dichotomy “own – someone else’s” (“friend or foe”).